

«ЛЕПЕСТОК-1»

В «Википедии» написано, что название «Лепесток-1» тоже придумал главный инженер-конструктор проекта. Как и содержание капсулы. Но в действительности это не так: название придумала Катя, его дочь от первого брака.

«Лепесток-1» – это межзвездный космический аппарат. Ровно десять лет назад, тоже осенью, русское космическое агентство запустило два аппарата. Первый должен был взять пробу грунта со спутника Марса. Но случайные космические частицы пробили его компьютеры, и система управления отказала. Он провисел на земной орбите несколько недель, потом упал в Тихий океан.

Эта неудача широко освещалась в прессе, поэтому мало кто, кроме специалистов, слышал о другом аппарате; его запустили через неделю после марсианского зонда. Это и был «Лепесток-1». Из осторожности его запуск сначала хотели отменить. Но если бы его действительно отменили, пришлось бы ждать несколько лет, пока планеты снова не встанут в удобное положение для гравитационного разгона. Руководство решило рискнуть и не отменять запуск. «Лепесток» должен был отправиться в полет без возвращения за пределы Солнечной системы и оттуда передавать данные обратно на Землю.

Инженер не был примерным отцом. Он много работал, много разъезжал по командировкам. Мог перепутать, сколько дочери лет. Часто выпивал вече-

рами. Когда был женат на Катиной маме, проводил с Катей мало времени. А когда они развелись, почти перестал ее видеть. Жена сама подала на развод, но осталась ужасно обижена на инженера. Жене и дочери осталась квартира, а инженер переехал в пустующую однушку своих родителей.

Инженер несколько раз навещал Катю, но они с бывшей женой всегда начинали ссориться. Он забывал, что пришел к дочери, а та перестала выходить из своей комнаты, чтобы встретить его, потому что знала, чем все закончится. Раньше у инженера иногда получалось ужинать вместе с семьей, он знал, какие Катя композиции разучивает в музыкальной школе, а теперь и этого не было. Инженер и бывшая жена разговаривали только по телефону, но даже по телефону срывались на крик. Катя злилась на обоих родителей, но инженера она еще и почти не видела.

Однажды зимой инженер откуда-то отводил Катю домой. На пешеходном переходе взял ее за руку. Катина голая ладонь была прохладной, вялой и обветренной, как у чужого человека. Когда они перешли дорогу, Катя спрятала ладонь в кармане куртки. Инженеру было неудобно заговаривать с ней. Она каждый раз менялась за то время, пока он ее не видел. Если бы он спросил, как дела, или что ты проходишь в школе, или с кем ты дружишь, она бы отвернулась и промолчала; он это знал. Они ненадолго зашли в кафе согреться. Он вспомнил о подарке для нее

и достал из рюкзака плюшевого слона. Катя не взяла игрушку, покраснела и стала ужасно долго возиться с трубочкой для какао: надирать бумажную упаковку, вытаскивать ее, вставлять в стаканчик. Они пошли дальше, инженер нес слона под мышкой. Перед домом он опять протянул ей игрушку – теперь она взяла ее.

Дома Катина мама косо посмотрела на игрушку от отца. Катя почувствовала это. На следующий день она оставила игрушку на подоконнике в школьном коридоре. На перемене после урока изо две девочки схватили его и стали подкидывать к потолку. Потом подбежал мальчик, вырвал слона из их рук и стал играть им в футбол. В конце перемены, когда все разошлись по классам, Катя вытащила слона из-под батареи: он весь испачкался в побелке и пыли, а хобот оторвался.

Это было три года назад. С тех пор инженер женился во второй раз. Он стал пить умереннее. Жена была молодой, работала не в космической области, а в меценатском фонде. Однажды инженер понял, что хочет восстановить отношения с дочерью. Он не заболел, ничего плохого не случилось, никакого особенного повода не было. Он просто почувствовал себя в силах это сделать – от избытка счастья, которое ему доставалось с новой женой. Они уже говорили про своего ребенка, и он хотел улучшить отношения с Катей до того, как жена забеременеет.

Когда инженер позвонил и спросил, хочет ли Катя съездить с ними на дачу, она притворилась равнодушной: да, наверное, может быть. Но сама считала дни до их встречи: осталось две с половиной недели, неделя, три дня, только четверг и пятница, только пятница. Ее мама недовольно смотрела, как она ходит кругами по комнате или стоит у подоконника, прислонившись к стеклу, вместо того чтобы делать уроки.

Когда они втроем ехали на машине, Катя боялась заговорить. Инженер, особенно в компании новой жены, казался ей незнакомым человеком из внешнего мира. Поэтому она и стеснялась. Но одновременно эти два человека были ей любопытны, и она чувствовала, что они хорошо к ней относятся. Жена инженера была еще и человеком из загадочного мира художественного искусства. Космические аппараты были чем-то более привычным – папиной работой, о которой она слышала всю жизнь, – но все равно любопытным. На заправке девочка спросила папу:

- А ты помнишь, когда мы виделись в прошлый раз?
- Помню. – Инженер задумался. – В конце весны, да?
- Ну да. Примерно.

На самом деле Катя точно помнила, когда они с папой виделись: не в конце весны, а в середине, три месяца назад, в последних числах апреля. Катя облегченно вздохнула: по крайней мере, он не ошибся сильно.

Они приехали в дачный кооператив, в старый дом, который построили еще родители инженера; небогатое семейное гнездо советской технической интеллигенции. Сруб дома сложен из списанных железнодорожных шпал. Покосившийся в некоторых местах забор. Запущенный яблоневый сад. Над высокой травой поднялось несколько сухих зонтиков борщевика. Сарай, в который пять лет никто не входил: верстак, инструменты на крючках, вагонка и зимние покрышки сложены вдоль стены, красный велосипед «Кама» в углу, серое осиное гнездо под потолком.

После обеда инженер, его жена и Катя гуляли по берегу реки. Ни о чем особенном не разговаривали, Катя собирала полевые цветы. За ними увязалась собака и всю дорогу кружила рядом. Они дошли до соседней деревни, там купили молока у старухи. Инженер еще ребенком ездил к ней на велосипеде за молоком. Всю свою жизнь он помнил ее старой. Удивительно, что она еще была жива. Собака дошла с ними обратно до самой калитки и незаметно куда-то убежала.

Вечером инженер с Катей сидели в гостиной у камина. Сбоку по кирпичам шла длинная трещина. Дым ревел, поднимаясь в трубу. Жена читала в другой комнате. Инженер снял очки и тянул рюмку коньяка. Катя сидела на полу и плела что-то из цветов. На серванте без звука работал старый маленький телевизор.

- Как бы ты назвала новый космический корабль? – спросил инженер.
- Что он будет делать?
- Полетит к другим планетам.

Телевизор на серванте показывал старый мультфильм. Катя отвлеклась на него. Цветное изображение пробивалось сквозь помехи: девочка с белыми лентами, заплетенными в косы, держит волшебный цветок. Цветок ей только что подарила старуха-волшебница. Девочка отрывает один лепесток, пускает его по воздуху и загадывает желание. Все вдруг становится красным, девочку подхватывает порыв ветра, похожий на прозрачное щупальце, и поднимает высоко в небо. Становится темно, девочка куда-то летит, над ней горят звезды, вдалеке переливается северное сияние. Инженеру было не по себе от вида этого головокружительного полета, а Кате было совсем не страшно, только любопытно.

Раньше, в студенческие годы, инженера тоже наполняло любопытство; он с жадностью изучал все, что связано с космосом и космическими аппаратами. Но с годами он все больше боялся области, в которой работал. Что-то тяготило его, и он не понимал, что именно.

– Может быть, «Лепесток»? – сказала она.

Название хорошо подходило аппарату. Если смотреть сверху, он выглядел как цветок: посередине блюдо антенны, под ним двигательная установка, похожая на стебель, а в стороны, как лепестки, расходятся мачты с приборами и сопла маневровых двигателей.

За несколько недель до старта тогдашний начальник космического агентства, человек военный и непопулярный, решил, что это будет хорошим пиаром, если отправить на «Лепестке» послание к внеземным цивилизациям, в духе американских «Пионеров» и «Вояджеров». Если когда-то через тысячи лет разумные существа найдут послание, они получат представление о землянах – такой был замысел. Времени на составление капсулы осталось мало, и никто в действительности не надеялся, что послание прочитают. Задачу поручили начальнику Департамента автоматических космических комплексов, тот перепоручил ее главному инженеру проекта. Инженер понял, что начальник относится к поручению формально и можно придумать что угодно.

Как раз в эти дни было первое сентября. Инженер пришел на построение Катиного класса перед школой. Он стоял в толпе родителей, снимающих все на телефоны, и смотрел на нее в шеренге детей: синее платье, рюкзак за спиной, в одной руке букет цветов, в другой айпад. Он подарил ей айпад на предыдущее первое сентября, купил в Америке, когда в России их еще не продавали. И инженеру вдруг пришла в голову идея составить послание инопланетянам из содержания айпада дочери.

Катя не возражала. В итоговый сборник вошли фото и короткие видео из ее поездок. Вот ее класс на экскурсии в Пушкинском музее, вот они в походе в подмосковном лесу. Ее любимая музыка – поп-песни на разных языках и классические записи, которые она разучивала в музыкальной школе. Дети, взрослые, лес, скульптуры, живопись, аудиозаписи. Инженер решил для себя, что капсула важнее как жест доброй воли самих землян, чем как послание для кого-то еще. Ее разрешили запустить в таком виде, просто потому что о ней забыли. Несколько недель все внимание было приковано к марсианскому кораблю, зависшему на орбите. «Лепесток-1» за-

пускали без медийной шумихи, чтобы в случае отказа снова не попасть впросак. Про капсулу знали только специалисты. Катя любила думать, что это ее и папина общая тайна.

В конструкторском бюро сделали копию данных с Катиного айпада. Юристы быстро заключили договоры с родителями детей, которых она фотографировала, и владельцами прав на аудиозаписи. Для создания капсулы использовали ту же технологию, которой пользовались американцы. Информацию записали в аналоговом формате на два медных позолоченных диска, похожих на обычные музыкальные пластинки. Их положили в металлическую коробку. На нее нанесли слой чистого урана, чтобы инопланетяне по периоду полураспада радиации могли узнать возраст корабля. Коробку закрепили на борту аппарата.

Инженер взял Катю с собой на запуск «Лепестка». Это был самый подходящий случай: там не должно было быть прессы, а начальник службы охраны был его приятелем. В самолете они сидела рядом с ним. Когда дверь самолета открылась, салон заполнился горьким запахом трав. Аэропорт стоял посреди степи. Во все стороны, куда ни посмотри, тянулась линия горизонта. Прямо у здания аэропорта росло несколько деревьев, а вокруг него глазу не за что было зацепиться. Инженер осмотрелся и почувствовал себя ничем не ограниченным – как животное. Он подумал, что не знает, что такое свобода, но воля – вот она перед ним. От этих мыслей становилось не по себе. Он чувствовал себя так каждый раз, когда приезжал сюда. Кате просто нравилось гулять в степи, все казалось необычным и интересным.

Их отвезли в гостиницу, а оттуда – на космодром. Узкая дорога посреди степи пошла волнами, в трещины была втоптана высохшая трава. Они сошли с дороги и долго шагали вперед. Землю истыкали норы сусликов. Тут и там лежали шарики верблюжьего навоза. На электрических проводах на ветру качались птицы. Инженер и Катя обернулись и посмотрели на космодром: несколько зданий, антенн, вышек, автомобилей и человечков сгрудились вместе посреди желто-черной плоскости. Все небо закрывала сплошная облачность, похожая на простыню. Сквозь нее просвечивало тусклое солнце.

Утром открылись ворота ангара, к нему подъехал тепловоз, подцепил открытый вагон с ракетой и с черепашьей скоростью повез его. В головной части ракеты был закреплен «Лепесток-1». Вагон скрипел, как старая подмосковная электричка. За ним шагали казахи-рабочие в оранжевых жилетах и русские солдаты. На стартовой площадке раке-

Инженер и Катя смотрели на вспышку пламени в темноте, на подсвеченные столбы пыли и дыма, на синий огонь из сопел медленно поднимающейся ракеты, на маленькую белую точку в черном небе. Катя смотрела на нее широко открытыми глазами. Инженер снял очки и помассировал переносицу. От зрелища взлетающей ракеты ему было не по себе.

ту подняли гидравлические домкраты. Специалисты стали заправлять ступени ракеты, проверять ее системы, переговариваться по рациям с пультовой.

Через три дня поздно вечером инженер с Катей шли в пультовую. Было холодно, в небе светились звезды и половинка Луны.

– Ты здесь инкогнито, малыш. Просто не отвечивай, – сказал он, когда они шагали по длинному бетонному коридору с бронированными дверями. – Никого не пугайся, просто будь рядом со мной, и все.

– Ладно, пап.

Катя бежала вприпрыжку рядом с инженером. Она чувствовала, что он сильно нервничает. Он начинал работать над «Лепестком», когда она еще не пошла в школу.

Инженер и Катя стояли перед панорамным окном вместе с другими работниками и смотрели. Ракета в клубах пара стояла на стартовой площадке, на нее светили прожекторы. Подпорки медленно разошлись в стороны. Ракета загудела, в пультовой задрожали стекла. Сотрудник бубнил в микрофон:

– Минус пять секунд, бортовое питание, зажигание, кислород, предварительная, промежуточная, главная. Ноль секунд, есть контакт подьема, двигатели вышли на режим...

Инженер и Катя смотрели на вспышку пламени в темноте, на подсвеченные столбы пыли и дыма, на синий огонь из сопел медленно поднимающейся ракеты, на маленькую белую точку в черном небе. Катя смотрела на нее широко открытыми глазами. Инженер снял очки и помассировал переносицу. От зрелища взлетающей ракеты ему было не по себе. Сотрудник за спиной продолжал объявлять:

– Сорок секунд, стабилизация изделия в норме... Шестидесят секунд, тангаж, рысканье, вращение в норме... Сто двадцать секунд, есть выключение боковых двигателей, есть отделение боковых блоков...

Когда через десять минут ракета долетела до орбиты, щитки ее головной части отлетели в стороны. «Лепесток-1» отделился и полетел вперед. Инженер и Катя наблюдали за этим по большому экрану. Через несколько витков вокруг Земли «Лепесток» вышел на отлетную траекторию, и разгонный двигатель отделился. Дальше аппарат полетел один. Скоро в пультовую пришли данные телеметрии: солнечные батареи успешно развернулись, и с космическим аппаратом установлена связь. Все в зале зааплодировали. От инженера на этом этапе уже мало что зависело. За аппаратом теперь следили его коллеги в Королеве.

Следующей ночью инженер с Катей летели обратно в Москву.

– Пап, а что случилось с «Лепесточком»? – спросила Катя.

– Он немного полетал по орбите, дождался нужного времени и улетел в космос.

Катя пила апельсиновый сок, который принес стюард. Инженер пил коньяк из пластиковой рюмки.

– А что с ним будет дальше?

– Дальше? Если все будет нормально, он прилетит к планете Уран и там сделает фотографии и измерения.

– И-и-и?

– И передаст на Землю.

– А потом?

– Он получит гравитационный разгон. То есть разгонится на орбите Урана. И полетит к другой планете, Нептуну.

– Это далеко?

– Очень, малыш.

– А потом?

– Как сказать... Один наш год на Земле, от Нового года до Нового года, равен одному вращению

- Земли вокруг Солнца. И вот будет тридцать таких вращений, и «Лепесток» улетит из нашей Солнечной системы. Связь с Землей будет потеряна.
- Вау! А как он будет искать дорогу?
  - По звездам.
  - Понятно.
  - Потом произойдет еще сто пятьдесят тысяч оборотов Земли вокруг Солнца, а он все еще будет лететь по космосу.
  - А что в это время случится с Землей? И людьми?
  - Не знаю.
  - А с «Лепесточком»?

Катя уже не совсем понимала папин рассказ, но ей все равно было ужасно любопытно слушать про звезды и космос. Инженеру было не по себе от того, что он же сам рассказывал. Стюард принес пенопластовый лоток с ужином, обернутый фольгой, но они оба не хотели есть.

- Ему встретится планетезималь.
- Плане... что?
- Плане-те-зи-маль, это такой зародыш планеты. Вот. Но «Лепесток» сделает маневр и обогнет его. Разминется с ним. Полетит дальше.
- Да?
- Да. Потом будет вспышка излучения на звезде. Такая, которая вполне может спалить «Лепесток». Но он ускорится и пролетит мимо.
- Ого.
- Потом будет большая безжизненная планета. Она будет притягивать его к себе своей гравитацией. Но он уйдет от ее орбиты и полетит дальше.
- Ого-го.
- Ну, он все равно получит по дороге много ударов. Обломки и разные микрокометы, все в таком духе, они в него будут врезаться. Он превратится в обугленный комок из труб и бочек. Двигатель перестанет работать, компьютеры отключатся. Но он все будет лететь дальше. И наша капсула будет на борту. Никто не ожидает этого, но он долетит, доберется до живой планеты. Это будет очень необычная планета, в созвездии Парусов. Про нее пока даже нет статьи в «Википедии». Он несколько недель повращается на орбите и упадет вниз, на планету. Он полностью сгорит, но наша защищенная капсула останется. Все планеты, которые «Лепесток» встретит до этого, будут серыми, коричневыми или желтыми. Или в пурпурных разводах из-за ядовитых газов. А эта будет голубой, как Земля. Там будет воздух, большой океан и суша. И будет жизнь.
- А какая? – Катя говорила все медленнее.

- Живые существа.
  - Какие?
  - Ну, такие большие люди со слоновьими головами, понимаешь? Слонолюди. Очень умные.
  - У них мохнатые хоботки?
  - Да, немного мохнатые.
  - А как они... будут... разговаривать?
- Катя клевала носом. Инженер не замечал это и оживленно рассказывал.
- Они будут издавать звуки хоботами, примерно как слоны. Они все будут большими, вот такими. И с нюхом отличным.

Инженер показал рукой, что слоны будут очень высокими, выше потолка самолета, и посмотрел на Катю. Голова склонилась набок, рот приоткрылся. Он осторожно перегнулся через нее, откинул кресло назад и укрыл ее пледом. Он почувствовал, что Катино любопытство передалось ему – то же любопытство, которое наполняло его в институтские годы. Его снова не пугало космическое пространство. Он посидел молча, смотря на спинку кресла перед собой. Потом снял очки. В салоне уже выключили свет. Небо в иллюминаторах тоже было темным. Светились только ровные ряды тусклых лампочек над головами пассажиров.

Работа велась в Доме творчества Переделькино

СЕРЫЙ ДОМ

Он помнил какое-то позднесоветское здание, почти полностью остекленное снаружи. Кажется, высокое, но, может быть, и нет, ведь ребенку все вокруг кажется высоким. Семь лет? Или той осенью ему уже исполнилось восемь? Ему не хотелось считать, да и не особенно это важно. Он, конечно, много раз потом ходил в этом районе, но так и не понял, которое из зданий это было. Хотя вряд ли его снесли. В том районе снесли мало домов; он не помнил, чтобы сносили хотя бы один. Это могло быть то странноватое здание в форме куба. А могла быть гостиница – та намного выше. В девяностые несколько ее этажей вполне могли сдавать под офисы. Почти все подробности позабылись. Много коридоров, узких и прокуренных. В некоторых комнатах стены покрыты звукоизолирующими перфорированными панелями. В эти темные дырки интересно было совать палец и ковыряться. Он помнил баночки синих чернил в шкафах, стопки бумаг, факс, электрические печатные машинки. Почему-то все боялись пожара, и провода в конце рабочего дня отключали от розеток.

– Ну, у вас имеется какой-то опыт в этой сфере? – спросил его маму мужчина, одетый в новый костюм и сидящий в офисном кресле.

На рукаве виднелся неотпоротый лейбл. Намного младше нее, мужчина вовсе не казался наглым или глупым. Он слегка смущенно вертел в руках ав-

торучку, догадывался о ее положении. Она сидела по другую сторону массивного деревянного стола, на стуле. Полноватая женщина, золотые кольца на пухлых руках, покрасневшее лицо. Ситуация для нее унижительная. Мальчик чувствовал это, стоял рядом, настороженно смотрел на все вокруг, на незнакомого дядю, на свою непредсказуемую и нервную маму.

– Нет.

– А почему решили устроиться?

– Такие личные обстоятельства. Нужно подработать.

Родители мальчика снова поссорились неделю назад. То ли папа ушел из дома, то ли это мама показала ему на дверь. И ей теперь нужно было где-то брать деньги. Она решила устроиться на работу уборщицей; просто увидела объявление в бесплатной газете, какие раздавали у метро. Для нее это отчасти был жест самоутверждения, отчасти она совершенно не знала, что ей дальше делать и что будет. В студенческие годы она стала встречаться с мужчиной намного старше себя. Незаконченное высшее образование; потом, после тридцати, дети; много лет она работала только дома. Они были очень счастливы, а потом все пошло под откос. Разбираться, когда и почему это произошло, у нее уже не было сил и времени. Теперь самое ужасное было то, что у нее почти отсутствовал трудовой стаж.

Даже свою трудовую книжку она с трудом нашла на антресоли.

– Ты Белый дом разглядываешь, да? – спросил вдруг у мальчика мужчина. Решил снять неловкость с ситуации.

Мальчик посмотрел на него и кивнул.

Мужчина встал, подошел к окну, потянул за шнурок – вертикальные жалюзи разъехались в стороны. Обнажилось огромное, во всю стену стекло и за ним – неподвижная, ожидающая зиму Москва, обгоревший Дом советов, возвышающийся над кварталами и набережной. Верхние этажи пострадали больше всего. Неподалеку стояли несколько оставшихся секций милицейского заграждения и одинокий зеленый бронетранспортер.

Мальчик замер, не мог оторваться от зрелища. Он догадывался, что вокруг этого дома недавно произошло что-то очень важное для взрослых, что могли, судя по следам взрывов, погибнуть люди. Но он сразу оценил это как что-то скучное – как и разговор мамы с женщиной. Его захватила красота дома – высокого, каменного, белоснежного, обгоревшего замка. Он вспоминал это зрелище и много лет спустя.

– Был Белый дом, а стал Черный, – вдруг громко пошутил мужчина, чтобы прервать паузу. – Дяди постреляли в него из пушек. Ну, потом его подчистили немного. Теперь это, наверное, Серый дом. Можно так сказать. – Мужчина почувствовал, что шутка не удалась.

Женщина натянуто улыбнулась, отвела глаза, положила ногу на ногу.

– Ну, а к поздним сменам вы готовы? – Мужчина вернулся к собеседованию. – Уверены, что сможете выходить на работу с ребенком?

